

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Я. ЛУРЬЕ, *Язык и культура микенской Греции*, М.—Л., АН СССР, Институт истории, 1957, 402 стр.

Всего пять лет прошло со времени прочтения письма «Б» пиловских и кносских надписей, и за это время успела уже вырасти обширная литература по микенской культуре. Появилось немало посвященных этой проблеме журнальных статей. В апреле 1956 г. собирался специальный международный коллоквиум по вопросам чтения и толкования пиловских документов¹. С 1953 г. в Саламанке (Испания) начал выходить специальный журнал «*Minos*», посвященный изучению жизни и культуры микенской Греции.

Большая часть работ по этим вопросам носит, однако, специальный характер и посвящена или дальнейшей разработке чтения микенского письма, или анализу отдельных серий и даже единичных таблечек. Книга проф. С. Я. Лурье выделяется из среды остальных работ тем, что она представляет собой первый опыт сводной характеристики государственного и общественного строя и культуры микенской Греции на основании специального исследования и анализа вновь открытых данных².

Известный как эрудит в области классической филологии и эпиграфики, автор уже и ранее, до открытия чтения письма «Б», интересовался проблемой чтения минойского письма и посвятил этой проблеме в № 4 «Вестника древней истории» за 1947 г. специальную статью, содержащую критику попыток расшифровки Б. Грозного. В скором же времени после открытия чтения письма «Б» он отозвался на это открытие обширной статьей «Опыт чтения пиловских надписей» (ВДИ, 1955, № 3, стр. 8—36), в которой не только предлагал свои дополнения и уточнения чтения отдельных письменных знаков, но и тогда уже, т. е. спустя всего два года после открытия М. Вентриса, на основании прочтения надписей предложил пробные решения ряда основных вопросов государственного устройства и земельных отношений в микенской Греции. В следующем году в том же журнале (№ 4) была помещена статья «Крито-микенские надписи и Гомер», в которой, на основании сопоставления пиловских и кносских текстов и данных гомеровского эпоса, уточнялась терминология надписей. В 1957 г., уже по выходе в свет книги «Язык и культура микенской Греции», в ВДИ (1957, № 2) появилась статья

¹ *Études mycéniennes. Actes du colloque international sur les textes mycéniennes*, P., 1956. В сентябре 1958 г. в Павии состоялся второй коллоквиум.

² Книга основоположников чтения микенского письма М. Вентриса и Дж. Чадвика, «*Documents in Mycenaean Greek*», Cambr., 1956, как показывает самое ее название, такой цели себе не ставит. Это не более как сводный, ориентирующий по отдельным частным вопросам очерк, предпосланный переводам с комментариями отдельных избранных документов. В только что вышедшей книге Дж. Чадвика «*The Decipherment of Linear B*», Cambr., 1958, общей характеристике микенской культуры посвящена лишь одна небольшая глава «*Life in Mycenaean Greece*», стр. 101—133. Лекции Л. Р. Пальмера, «*Achaean and Indo-European*», Oxf., 1955, представляют собою лишь краткий и к тому же построенный на порочных началах параллелизма с германским феодализмом очерк.

С. Я. Лурье о рабовладении в микенской Греции, дополнявшая и развивавшая основные выводы соответствующей главы книги.

В результате этих своих предварительных исследований С. Я. Лурье уже в 1957 г. смог дать обобщающую характеристику микенской культуры и общественного строя микенской Греции. Первая часть книги посвящена вопросам фонетических особенностей и грамматики греческого письма микенского времени, причем предлагается ряд оригинальных соображений и уточнений. Характеристике общественных отношений и культуре посвящена вторая часть книги (стр. 189—344).

Большое преимущество книги С. Я. Лурье заключается в том, что он строит свою характеристику микенского общества не на заключениях по аналогии с обществами древнего Востока или средневекового феодализма, заключениях, которые не только не способствуют уяснению и более полному освещению вопросов общественных отношений, но лишь осложняют их решение и, напротив, таят в себе опасность направить исследование по неправильному, заранее предвзятому пути. С. Я. Лурье основывает свои выводы исключительно на данных источников, ставших теперь доступными для прочтения, и именно поэтому, в противоположность господствующему мнению, ему удается показать своеобразие общественной жизни микенской Греции, отличающее ее как от общественной жизни древневосточных деспотий, так и тем более от средневекового феодализма.

Вторая часть работы С. Я. Лурье, имеющая общий заголовок «Греция микенской эпохи», начинается главами, содержащими исследование географических пределов обоих государств — Пилосского и Кносского — и определение местонахождения отдельных упоминаемых в надписях поселений. В основу обзора Пилосского государства положено сопоставление данных, содержащихся в таблетках, с данными гомеровского эпоса, а также позднейших источников (Страбона, Павсания); в основе же обзора Кносского государства лежит сопоставление упоминаемых в надписях пунктов с названиями критских городов и поселений, известных от позднейшего времени (стр. 189—205). Географический обзор завершается анализом данных о колониях Пилоса в Малой Азии, основанных после дорийского завоевания, и исследованием принесенных туда переселенцами элементов микенской культуры и общественной жизни (стр. 205—211). Дальнейшие главы посвящены рассмотрению различных сторон государственного и общественного строя — государственного аппарата (стр. 211—233), земельных отношений (стр. 233—243), скотоводства (стр. 244—250), ремесла и ремесленной техники (стр. 251—269), рабства (стр. 269—285), религии (стр. 285—324) и, наконец, организации военного и морского дела (стр. 324—338). К последним двум главам присоединены два специальных экскурса относительно обряда очищения страны после вражеского нашествия и о всадниках (*ιππεις*) в древнейшую (послемикенскую) эпоху истории Греции (стр. 316—324 и 339—344). В заключение дается транскрипция на греческом языке 23 избранных надписей (из них 17 пилосских и 6 кносских — стр. 345—381) с соответствующими комментариями и с приложением словаря к этим надписям (стр. 382—387). Книга снабжена 50 рисунками, иллюстрирующими текст и заимствованными прежде всего, за исключением воспроизведения отдельных таблеток, из «Palace of Minos» Эванса.

В своем изложении и анализе таблеток автор не обособляет критские и пилосские надписи, что было бы желательно, так как пилосские надписи отделяет от кносских промежуток времени, равный почти трем столетиям. В основу анализа положены данные пилосских текстов, в дополнение к которым попутно для уточнения рассматриваются данные отдельных кносских надписей.

Как видим из содержания перечисленных глав, книга заключает в себе достаточно полный и разносторонний обзор общественной и культурной жизни микенской Греции. В качестве первого опыта такой характеристики, притом основанной на анализе материала, допускающего, как признает и сам автор (предисловие, стр. 7—8), самые различные и произвольные толкования, попытка эта, естественно, не лишена известной субъективности: рядом с отдельными интересными и плодотворными заключениями и гипотезами встречаются также и сомнительные и спорные положения.

В главе, посвященной характеристике аппарата государственной власти, освещаются роль и значение царя ванака (wanaka)³ и военного предводителя лаваетета (rawaketa). Относительно царской власти высказывается при этом сомнение по поводу того, имел ли Пилос своего властителя — ванака или же под «ванака» следует иметь в виду царя «Аргоса», владычествовавшего над всем Пелопоннесом (215 сл.). По поводу звания лаваетета автор на основании одной фригийской надписи, в которой царю Мидасу приписывается титул лавалта, высказывает предположение, что, наряду с званием лаваетета существовало и другое обозначение этой должности, а именно как га-ва-га-та. Такое предположение представляется, однако, сомнительным. Rawaketa в микенских надписях совершенно не употребляется в качестве звания, но лишь как имя собственное (An 723,3). Слово это встречается и в другом написании — га-ва-га-та₂ и только для обозначения географических пунктов (An 298,1; In 829,14; Ma 216,1). Далее обстоятельно трактуется вопрос о местных правителях — басилеях и о состоящих при каждом из них советах старейшин (kerosia — *κεροσία*), причем отмечается, что эти учреждения существовали одинаково и в Пилосе и в Кносе (стр. 219—223). Низшими представителями административного аппарата являлись «руководители отдельных селений», носящие различные названия (korete, porokorete, также mogora, термин, который автор, вслед за В. Георгиевым, транскрибирует как греч. *μολτοί*), «сохранившиеся еще со времени самостоятельности этих селений». Название коретеров автор считает происходящим еще «из сферы мужских союзов» (стр. 229). Автор далее специально подчеркивает демократический характер Пилосского и Кносского государств (стр. 223—224; ср. стр. 11). Общая характеристика греческих обществ микенской эпохи, данная автором в предисловии, как «централизованных государств с большим бюрократическим аппаратом» (стр. 11), представляет несомненное преувеличение. В главе о государственном аппарате, помимо органов власти, сохранившихся от времени родоплеменного строя, никаких собственно бюрократических органов власти не указывается, ибо нельзя считать таковыми примитивные в сущности звания, как «глашатаи» (kaguke — *καγυκις*), «вестники» (akego — *ἀκεγολοί*) и писмонослы (по остроумному чтению автором термина *diptarago*⁴ — *διπτεράφοροι*). С другой стороны, в именах лиц, упоминаемых в документах о приеме частного скота для пастбы на общественных пастбищах, — Akosotao, Wedanewo, Akejo, Parajo⁵ — автор видит обозначение особых должностных лиц. Между тем выполняемые ими функции (прием скота для содержания на общественных пастбищах) совершенно тождественны, причем речь об этих лицах идет в одних и тех же документах.

В той же главе об аппарате государственной власти попутно рассматриваются данные относительно положения различных слоев населения. Здесь справедливо отмечается рост крупного землевладения и аристократизации общественного строя, в частности, освещается положение группы терета (стр. 224—225). Интересна при этом попытка автора связать названия отдельных должностей или званий, встречающихся в пилосских табличках, с обозначениями учреждений и институтов, существовавших в малоазийских колониях, основанных беглецами из Пилоса после дорийского завоевания, и, таким образом, установить преемственную связь между ними. Так, по мнению автора, название «корете» передалось коллегии куретов, которым принадлежало руководство известным храмом Артемиды Эфесской (стр. 210); название mogora₂ — коллегии молпов, стоявших во главе колонизованного пилосцами Милета. Автор на

³ Знаки 40, 42, 54, и 75 (wi, wo, wa, we) в книге автором передаются посредством буквы *v* вместо общепринятой передачи через *w*.

⁴ В транскрипции автора *ziptarago*; в знаках 1, 7, 14, 45 и 51 звук *d* автором передается через *z*.

⁵ См. M. Ventris — J. Chadwick, Documents..., Appendix II: Index of Personal Names: O. L. and a u, Mykenisch-Griechische Personennamen, Göteborg, 1978, s. v. В качестве имени собственного Akosota встречается в An 39, обор. 5, Akeo — в An 192, 14. Wedaneu — имя бога, и поэтому вероятнее считать его именем собственным.

основании одной надписи, относящейся к Сфагиям (Ер 609), реконструирует существование в Пилосском государстве замкнутой аристократической группы *damate*, организованной по образцу милетских мольпов по возрастным группам (стр. 226 сл.). К сожалению, эти интересные гипотезы не могут быть прочно обоснованы за недостаточностью данных, тем более что самые термины *mogora*, *damate* понимаются и толкуются исследователями различно.

В следующей главе о земельных отношениях, вопреки господствующему мнению, автор в *kotonooko* видит людей, хотя и получающих земельный участок «от народа», но ставших уже наследственными владельцами этих участков. Основанием для такого толкования служит различное понимание терминов *kotona* (земельный участок, полученный в условное владение) и *kotono*, слово, которое автор производит от корня $\chi\theta\omega\upsilon$ «земля», и соответственно считает *kotonooko* не просто держателями земельного участка, но, наряду с обладателями *kotona kitimena*, — частными земельными собственниками (стр. 233—237). Далее трактуется оригинально, но мало убедительно вопрос о *kaмаewe*, людях, получающих земельные участки в обработку; особенно сомнительно утверждение автора (стр. 225), что под *kaмаewe* (Ес 411) разумеется все свободное население, кроме теретов и «божьих рабов». Затем разбирается вопрос о крупных и мелких арендаторах общественных земель, в том числе о «божьих рабах и рабынях» (стр. 239 сл.). Интересна высказываемая автором оригинальная мысль, что *wowo*, термин, соответствующий позднему аттическому *βρος* и обозначающий обширный участок земли, занятый несколькими владельцами, представляет собою «в ряде случаев участок, принадлежащий родовому объединению, распадающийся далее на отдельные земельные участки *κτωίαι*» (стр. 239).

В главе о скотоводстве (стр. 244—250) автор вносит чрезвычайно существенную поправку в толкование Фурумарком значения документов серии Сп (Сп 40, 45 и др.), изменяющую коренным образом наше представление об организации скотоводческого хозяйства в микенской Греции: не государство сдавало свой скот на попечение частным лицам, как полагает Фурумарк, а, напротив, скот принимался от частных лиц для пастбы его на общественных пастбищах в горных местностях (песчаный Пилос был для этого непригоден). Однако, таким образом правильно оценивая значение документов серии Сп, автор в то же время, как мы уже указывали, совершил другую ошибку, считая имена лиц, принимавших скот от частных лиц, обозначением различных общественных должностей. Не весь частный скот пасся, однако, на общественных пастбищах. В главе отмечается в то же время и существование обширных частных скотоводческих хозяйств на собственных землях владельцев скота. В Пилосе разводился по преимуществу мелкий скот. Сведения о крупном рогатом скоте встречаются относительно редко. Во всяком случае коневодство не получило такого развития, как на Крите (стр. 247).

В обзоре ремесла (стр. 251—256) на примере кузнецов, занятых обработкой меди и бронзы, отмечается относительно привилегированное положение ремесленников по сравнению с жалким положением ремесленников в гомеровских поэмах. Здесь, как мне кажется, следует исправить одно недоразумение: в надписи In 431 стк. 25—26 при именах [Sa]kere[u], Tosano, A(23)tawono и еще одного лица, имя которого не сохранилось, указано число людей (5, 10 и 31). Вряд ли правильно видеть в них рабов, принадлежавших, как полагает автор, лицам, носящим эти имена (стр. 254, прим. 1). Если бы это было так, то в данном случае мы имели бы настоящие эргастерии, что для этого времени мало вероятно; притом же люди, значащиеся при этих именах, не называются рабами, но обозначаются идеограммами мужчин. Правда, у немногих отдельных ремесленников-кузнецов, как показывают другие цитированные в том же примечании места источников, встречались единичные рабы (например, в данном документе стк. 11 назван раб — *doero*, принадлежавший кузнецу Кетаку — ср. стк. 3), но именно названные в документе лица в числе ремесленников не значатся; в них следует видеть или начальников, или, быть может, представителей рабочих отрядов.

В следующей главе, посвященной вопросу о рабстве, исследуются термины, в которых есть основание видеть обозначение различных видов рабской зависимости

(те же вопросы рассматриваются в одновременно напечатанной статье «К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе» — ВДИ, 1957, № 2, стр. 8—24). При определении значения этих терминов проводится аналогия с позднейшими формами рабской зависимости на Крите. Сюда, по мнению автора, относятся прежде всего рабы, родившиеся от смешанных браков или от сожителства лиц рабского и свободного состояния — *rokuta*, мужские рабы на Крите, женщины-рабыни *doqea* (δολφεια, как читает этот термин С. Я. Лурье) в Пилосе, далее *woweu* (критская надпись С 911,3) и *wowijata* в Пилосе (Ап 172), которых С. Я. Лурье сопоставляет с позднейшими кларотами на Крите (стр. 275—277). Далее выясняется положение так называемых «божьих рабов» и «божьих рабынь», аналогичных позднейшим гиеродулам, равно как и рабов и рабынь, принадлежавших высшему жреческому персоналу и занимавших более привилегированное положение по сравнению с рядовыми рабами (стр. 277—280). Что касается, наконец, женских списков Аа и Аb, то автор отказывается видеть в них указание на этническую принадлежность женщин некоторых из этих списков, как обычно принимается (книдянки, киферянки, лемнианки), и считает их обозначения также профессиональными, а не этническими терминами (стр. 282). Более подробно этот вопрос рассматривается в названной статье. В той же статье автор высказывает оригинальную, но саму по себе маловероятную гипотезу о том, что женщины этих списков были частными рабынями и что «рабовладельцы по особым раскладкам должны были направлять определенное количество рабынь для обслуживания высших должностных лиц, а пилосский дворец играл роль чего-то вроде первобытного бюро по распределению рабочей силы — он регистрировал, учитывал этих рабынь и направлял их по назначению» (ВДИ, 1957, № 2, стр. 22).

В главе о религии в результате обзора данных о различных божествах в пилосских надписях констатируется факт, что почти все олимпийские божества уже существовали в микенской Греции, хотя окончательно олимпийский круг богов еще не сложился. Интересно, далее, упоминание в пилосских надписях Диониса (Diwonusojo, Ха 102), что говорит об исконности этого культа в Греции и приводит к окончательному устранению распространенной ранее гипотезы о перенесении культа Диониса в Грецию из Фракии (стр. 292). Большое внимание уделяется, наконец, культу «матери богов» и ее сына — дитяти, поскольку этот культ нашел себе широкое применение и отражение в надписях и изображениях Крита. В Пилосе культ богини-матери почитался под именем Дивийи (стр. 298 сл.).

В последней главе дается краткий очерк военной организации и вооружения этого времени. Оригинальным в этой главе является понимание термина *egeta* как «колесничего» (стр. 324 сл.). Соответственно *egeta* занимали привилегированное положение в обществе. Автор считает их непосредственными предшественниками *ιππεις* древнейшей эпохи в истории Греции, в которых также в свою очередь видит не всадников в собственном смысле, но первоначально тех же колесничих. Вопросу об этом посвящен, как сказано, специальный экскурс.

В заключение рецензии приходится отметить некоторые замеченные нами опечатки, а также неточности, вкравшиеся в текст по небрежности самого автора. Так, на стр. 196 делается ссылка на Павсания относительно непригодности песчаной почвы области Пилоса для пастбы скота, а несколькими страницами ниже, на стр. 201, эта же ссылка значится уже как ссылка на Страбона. На стр. 222 сделана неправильная ссылка относительно басилея *Arikaradojo* (у автора ошибочно передано: *Arikarazogo*) на Ап 129; на самом деле, должна быть ссылка на Ae 398. На стр. 229 явная опечатка: делается ссылка на то место книги, где более специально идет речь об *egeta*, именно на стр. 224 вместо стр. 324 сл. На стр. 244—245 при подведении статистики мелкого частного скота, содержавшегося в общественных загонах (Сп 131), дается неточный подсчет числа овец и коз: число последних иреуменьшено вдвое (вместо 109 указано только 55); неточен также подсчет скота в списках Сп 285 и 328. На стр. 252 число центров ремесленной (кузнечной) промышленности, в которых имелись ремесленники, работавшие на храм местной богини-владычицы (*potini ja* — Πότινια), обозначено как три, тогда как на самом

деле таких центров было всего два. Ошибка произошла оттого, что к таким центрам отнесено местечко Повитея вследствие недостаточно внимательного чтения источника In 601, стк. 11. В документе значится имя кузнеца (po)tinajo (имя, встречающееся и в других документах — In 692,7 и 725, 20), которое автор прочел, как potinijajo; та же ошибка повторена автором и на стр. 305. В документе In 601 речь идет не о кузнецах «владычицы», а о кузнецах atarasijo, т. е. не работавших у себя на дому. Наконец, на стр. 278 дана ссылка на документ Es 07 (по первому изданию Беннета) вместо Es 411 второго издания; правильная ссылка на этот документ дается на стр. 225. Разумеется, эти мелкие погрешности легко могут быть исправлены и ни в какой мере не снижают того большого значения, какое имеет книга С. Я. Лурье.

В результате нашего обзора книги проф. С. Я. Лурье мы можем констатировать, что как первый опыт систематического и разностороннего освещения микенского общества и культуры, хорошо ориентирующего читателя в микенской проблеме (к сожалению, к книге не приложено никаких указателей), она, наряду с книгами М. Вентриса и Дж. Чадвика⁶, может и должна служить настольной книгой для всех последующих исследователей, занимающихся проблемами истории и культуры микенской Греции.

Акад. А. И. Тюменев